

Т. Е. СЕРГЕЕНКО

Факультет психологии и педагогики,
кафедра педагогики

ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА И СИСТЕМА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

В поисках целевых ориентиров нравственного воспитания восхождение к норме бытия как осуществленности человека есть предельная цель – цель высшая. Собственно, «существо нравственности – это целостность человека, заложенная в его природе как пребывающая норма и осуществляемая в жизни и истории через борьбу с центробежными и дробящими силами бытия» [1, с. 233]. Педагогическая наука в первую очередь востребует выдвижения четких педагогических целей как ожидаемых результатов обучения и воспитания. С одной стороны, цель в педагогике – это предвосхищение в сознании результата, ожидаемый продукт педагогической деятельности. С другой стороны, цель в педагогике представлена как цель-идеал, стремление к которой помогает человеку по пути собственного совершенствования.

Однако цель-идеал, не имея онтологической опоры или высшего ориентира, является целью неустойчивой. Дело в том, что целеполагание

как развернутый во времени процесс формирования цели непосредственно связан с областью актуальной бесконечности, где ближайшая цель с необходимостью детерминируется не только целью, расположенной по соседству, но целью наиболее отдаленной, последней целью. Эту последнюю цель, как цель запредельную, мы называем метацелью. Метацель должна охватить все пространство человеческого бытия и, соответственно, обуславливать цель-идеал и иные функционально-педагогические цели.

Метацель и «цель-идеал» – это маяки, на которые следует ориентироваться, которые задают направленность всему педагогическому процессу. Но если цель-идеал есть основа любой педагогической концепции, потому что представляет идеальный образ ближайшего будущего, то метацель как значительно отдаленная перспектива, либо не всегда улавливается педагогическим сознанием, либо вовсе игнорируется как не имеющая отношения к непосредственному педагогическому процессу.

Известный богослов и педагог В. В. Зеньковский в свое время высказывал по поводу последней и высшей цели замечательную мысль. «Воспитание, – писал он, – направлено на конкретную личность, судьба которой уходит в эсхатологическую перспективу», а учитывая, что «служение добру не ограничивается правилами жизни, а сама жизнь представляет перед нами как сочетание вечного и преходящего... воспитание должно готовить к жизни во времени, и к жизни в вечности – к жизни земной и к жизни вечной» [2, с. 39].

Независимо от того, как понимается вечность, независимо от того, признает ли человек возможность собственного бытия в вечности или не признает, вечность охватывает его жизнь и делает его ответственным за будущее. В связи с этим С. Л. Рубинштейн отмечал: «Для человека – в отношении самого себя – реально существует не смерть, а завершение жизни. Суть в том, что после веки веков ничего не исправишь и не наверстаешь: жизнь – ответственность! Жить с таким пониманием жизни и смерти – значит жить в вечности, воспринимать своих друзей в аспекте вечности» [3, с. 484]. И поэтому мы не можем не согласиться с В. В. Зеньковским, который говорил, что «нельзя так жить, как если бы не было смерти... Если воспитание должно затронуть самое существенное и глубокое в человеке, оно не может лишь в порядке риторики касаться проблемы креста и конечной судьбы человека» [2, с. 132].

Необходимо отметить, что метацель и та или иная цель-идеал во временном пространстве учебного заведения в своей полноте недостижимы. Воспитание начинается не в школе и не в ней заканчивается, а, значит, метацель и цель-идеал не являются в строгом смысле

педагогическими целями. Метацель открывает смысл бытия человека, цель-идеал позволяет наглядно представить разность потенциалов между желаемым и наличным уровнем развития человека. Осуществление человека не обретается сразу. По словам митрополита Антония Сурожского, ребенок, раньше, чем вырасти в меру христианина, должен быть просто человеком.

Вот почему необходимо учить ребенка правдивости, верности, мужеству и, конечно же, состраданию и любви. Однако для того, чтобы праведность ребенка не превратилась в надменность и гордость, а успехи в учебе – в средство для тщеславия, педагог должен знать именно метацель, знать законы духовного бытия и выстраивать воспитательный процесс в соответствии с данными законами и высшей целью. Знание метацели и цели-идеала позволяет педагогу динамично и очень тонко, в зависимости от состояния воспитуемых, выстраивать воспитательный процесс. К метацели и цели-идеалу как ориентирующим целям пристраивается в определенном иерархическом порядке система актуальных целей, как общепедагогических, так и частных, зависящих от той или иной жизненной ситуации.

Рассматривая систему целевых ориентиров с точки зрения православного мирозерцания, мы можем говорить, что метацелью является целостный или, как указывает В. В. Зеньковский «исцеление духовного начала и восстановление целостности человека». Но полноценное осуществление человека, достижение подлинного бытия с точки зрения православной мысли реализуется через целостные отношения ко всему сущему, в том числе и через таинственную причастность человека к бытию Высшему.

Но поскольку восхождение на данный уровень бытия не ограничивается временными рамками детства и юношества, поскольку достижение спасительного состояния – дело не только рук человека, постольку тема исцеления духовного начала не может быть в полноте раскрыта в условиях учебного заведения. Но школа может помочь ребенку выйти на определенный уровень бытия, с которого и открывается возможность самостоятельного движения по пути своего осуществления. И такой уровень мы определяем как цель-идеал.

Самостоятельное восхождение к осуществлению не есть слепое движение в неизвестность: оно предполагает как идеал само Совершенство и как минимум три бытийственных основания человека: ведение Совершенства как целостно-смысловое основание человеческого бытия; любовь к Совершенству как личностно-значимое основание человеческого бытия; воля к Совершенству как творческо-ответственное основание человеческого бытия.

Единство ведения Совершенного, любви к Совершенству, воли к Совершенству, русский философ И. А. Ильин назвал целостным совестным актом, который есть акт иррациональной духовности [4, с. 58]. Под этической категорией «совесть» чаще всего понимают некоторую «способность человека осуществлять моральный самоконтроль, формировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков» [5, с. 325]. Еще древнегреческий философ Демокрит использовал понятие совесть как сознание уже совершенного недолжного деяния. С точки зрения И. Канта, совесть – это то, что подает свой голос после некоторого действия.

По словам И. А.Ильина, совесть есть «инстинктивная потребность в нравственном совершенстве», и, соответственно, живая, цельная, предметно-обоснованная воля к совершенству. Совесть есть непрерывное творческое искание совершенства в каждом жизненном обстоятельстве [4, с. 332]. Человек, овладевший целостным совестным актом, есть человек Совестьливый, есть человек, в котором живет ведение Совершенства как ценностно-смысловое отношение, любовь к Совершенству как отношение лично значимое, волевая устремленность к Совершенству как творческо-ответственное отношение. Овладев целостным совестным актом, человек имеет возможность самостоятельно восходить к метацели, т. е. к собственному осуществлению и подлинному бытию. А, значит, человек совестьливый есть цель-идеал нравственного воспитания, потому что воплощает в себе бытие, отвечающее закону «высшей правды» и величайшему достоинству человека.

Поэтому учитывая систему целевых ориентаций и научая школьников подлинным отношениям, педагог имеет все шансы помочь ребенку выйти на уровень нравственного бытия, а именно, человека Совестьливого, и подарить возможность ему возможность свободно двигаться по пути своего самостоятельного осуществления.

Литература

- 1 Соловьев, В. С. Оправдание добра: Нравственная философия / В. С. Соловьев. – М. : Республика, 1996. – 261 с.
- 2 Зеньковский, В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В. В. Зеньковский. – М. : Школа-Пресс, 1996. – 223 с.
- 3 Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2003. – 512 с.
- 4 Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта / И. А. Ильин. – М. : АСТ, 2004. – 589 с.
- 5 Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1983. – 445 с.